

Научная статья

УДК 340.12

DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(2).255-262

EDN XWHNXXE

Эволюция моделей оценки доказательств: от формальной определенности к рефлексивному контролю

Елена Евгеньевна Степанова

*Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Иркутск, Российская Федерация
kanuzelelena@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7460-2053>*

АННОТАЦИЯ

В центре внимания автора – проблема, которая на протяжении долгого времени остается в фокусе правовой мысли: как установить соответствие между судебским убеждением и объективной истиной? Каким образом можно проверить, что вывод судьи основан не на произвольном предположении, а на рациональном анализе доказательств? И возможно ли разработать критерии, позволяющие сделать процесс оценки доказательств прозрачным и контролируемым, не впадая при этом в крайность тотальной формализации? Статья предлагает ретроспективный анализ основных моделей оценки доказательств, сменявших друг друга на протяжении истории европейского и российского права. Рассматриваются формальная система (римско-канонический процесс, средневековое законодательство), принцип свободной оценки (Судебные уставы 1864 года, советская теория материальной истины) и современные стандарты доказывания, пришедшие из англо-американской традиции. Автор обосновывает тезис о циклическом характере эволюции этих моделей: каждый новый этап не отменяет предыдущий полностью, а вбирает его элементы в трансформированном виде, что свидетельствует о невозможности окончательного решения проблемы оценки доказательств. На основе критического анализа отечественной доктрины XIX–XXI веков предлагается концепция «рефлексивного контроля» – теоретическая модель, переносящая акцент с содержания судебного убеждения на процедуру его логического обоснования. Особое внимание уделяется когнитивным ограничениям судебного познания (эффект подтверждения, эффект якоря, иллюзия понимания), которые делают «чистое» внутреннее убеждение ненадежным инструментом. В заключении делается вывод, что только сочетание свободы оценки с жесткими требованиями к развернутой мотивировке способно обеспечить баланс между гибкостью правосудия и предсказуемостью судебных актов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

формальная система, свободная оценка, внутреннее убеждение, стандарт доказывания, рефлексивный контроль, судебское усмотрение, когнитивные искажения, мотивировка судебного акта

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Степанова Е.Е. Эволюция моделей оценки доказательств: от формальной определенности к рефлексивному контролю / Е.Е. Степанова. – DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(2).255-262. – EDN XWHNXXE // Академический юридический журнал. – 2026. – Т. 27, № 2. – С. 255–262.

Original article

Evolution of evidence evaluation models: from formal certainty to reflexive control

Elena E. Stepanova

*Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia
kanuzelelena@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7460-2053>*

ABSTRACT

The author focuses on a problem that has been at the center of legal thought for a long time: how to establish a correspondence between a judge's conviction and objective truth? How can we verify that a judge's conclusion is based on rational analysis of evidence rather than arbitrary assumptions? And is it possible to develop criteria that make the process of evaluating evidence transparent and controllable without resorting to extreme formalization? This article provides a retrospective analysis of the main models of evidence evaluation that have evolved throughout the history of European and Russian law. The article examines the formal system (Roman-canonical process, medieval legislation), the principle of free evaluation (Judicial Statutes of 1864, the Soviet theory

© Степанова Е.Е., 2026

of material truth), and modern standards of proof that come from the Anglo-American tradition. The author substantiates the thesis about the cyclical nature of the evolution of these models: each new stage does not completely abolish the previous one, but incorporates its elements in a transformed form, which indicates the impossibility of a definitive solution to the problem of evidence assessment. Based on a critical analysis of the domestic doctrine of the 19th – 21st centuries, the author proposes the concept of “reflexive control”, a theoretical model that shifts the focus from the content of judicial conviction to the procedure of its logical justification. Special attention is paid to the cognitive limitations of judicial cognition (the confirmation effect, the anchoring effect, and the illusion of understanding), which make “pure” internal conviction an unreliable tool. In conclusion, it is concluded that only a combination of freedom of assessment with strict requirements for detailed reasoning can ensure a balance between the flexibility of justice and the predictability of judicial decisions.

KEYWORDS

formal system, free assessment, internal conviction, standard of proof, reflexive control, judicial discretion, cognitive biases, motivation of a court decision

FOR CITATION

Stepanova E.E. Evolution of evidence evaluation models: from formal certainty to reflexive control. *Akademicheskij juridicheskiy zhurnal = Academic Law Journal*. 2026;27(2):255–262. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2026.27(2).255-262. EDN: XWHNXE.

Введение

В системе юридического знания есть категории, которые все используют, но никто не может определить с достаточной степенью точности. «Внутреннее убеждение судьи» — одна из них. Она присутствует в процессуальных кодексах всех цивилизованных стран¹. Законодатель как будто говорит судье: мы доверяем тебе, решай сам, но не спрашивай нас, как именно ты должен это делать. Такое доверительное молчание имеет свои преимущества: оно не сковывает судебскую инициативу, но оно же порождает и главную проблему: как отличить искреннее убеждение от упрямства, обоснованную уверенность от предрассудка, логически выверенный вывод от интуитивной догадки? [1, с. 311].

Проблема эта не нова. Еще в римском праве юристы задавались вопросом, можно ли формализовать процесс оценки доказательств, и приходили к неутешительному выводу: в конечном счете все упирается в добросовестность судьи [2, с. 243]. Однако добросовестность — категория нравственная, а не процессуальная. Закон может требовать ее, но не может ее гарантировать. Именно в этом зазоре между нормативным требованием и реальным поведением и располагается основное поле теоретических споров об оценке доказательств.

Особую остроту эта проблема приобретает в контексте современного правосудия. С одной

стороны, усложнение фактических составов дел, особенно в сфере экономических споров, требует от судьи обработки огромных массивов информации, что делает его особенно уязвимым перед когнитивными искажениями. С другой стороны, цифровизация судопроизводства и внедрение элементов искусственного интеллекта в анализ доказательств ставят вопрос о принципиальной возможности алгоритмизации оценочной деятельности. Может ли машина заменить судью в оценке доказательств? И если нет, то почему? Ответ на эти вопросы требует обращения к теоретико-историческим основаниям самого института оценки доказательств.

Цель настоящей статьи — проследить эволюцию основных моделей оценки доказательств в истории отечественной правовой мысли, выявить внутреннюю логику этой эволюции и на ее основе предложить теоретическую конструкцию, которая, сохраняя преимущества свободной оценки (гибкость, учет индивидуальных обстоятельств дела), в то же время создает эффективные механизмы ограничения судебного произвола и нейтрализации когнитивных искажений. В качестве такой конструкции выдвигается концепция «рефлексивного контроля», переносящая акцент с содержания судебного убеждения на процедуру его логического обоснования.

Основная часть

Формальная система оценки доказательств господствовала в европейском процессе с XIII по XVIII века [3, с. 78]. Сегодня она часто воспринимается в качестве исторического курьеза, как пример средневековой схоластики, не имеющей ничего общего с рациональным правосудием. Такое восприятие глубоко ошибочно. За внешней нелепостью правил о «полной» и «неполной»

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921 : ст. 17 ; Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532 : ст. 67 ; Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012 : ст. 71.

доказанности, о двух свидетелях как минимуме для обвинения, о преимуществе письменных доказательств перед устными стояла вполне рациональная логика [4, с. 78].

Судья не может быть полностью свободен в оценке доказательств, потому что свобода в условиях неразвитости правовых процедур и отсутствия независимости судей ведет к произволу [2, с. 243]. Если судья назначается административной властью, если у него нет гарантий независимости, если стороны не обладают равными возможностями по представлению доказательств, то лучше связать судью формальными правилами, чем оставить его наедине с собственной совестью. Формализм в этих условиях выступает не как недостаток, а как защита подсудимого от судейского усмотрения [5, с. 45].

В дореволюционной России формальная система сохранялась вплоть до судебной реформы 1864 года. Свод законов Российской империи содержал детальные предписания о силе каждого вида доказательств². Собственное признание обвиняемого считалось «лучшим доказательством всего света», но при этом требовало проверки на предмет добровольности. Для подтверждения факта требовалось показание не менее двух свидетелей, при этом родственники сторон не могли быть свидетелями, а показания женщин имели меньший вес, чем показания мужчин [6, с. 288]. Один из авторов того времени называл эту систему «арифметикой доказательств», показывая, что при таком подходе судья уподобляется счетоводу, который складывает и вычитает доказательственные веса, не вникая в уникальные обстоятельства конкретного дела [5, с. 45].

Между тем у формальной системы были несомненные достоинства. Во-первых, она обеспечивала предсказуемость правосудия. Стороны заранее знали, какие доказательства «работают», а какие – нет, и могли соответствующим образом строить свою линию защиты или обвинения. Во-вторых, она ограничивала судейский произвол. Судья, связанный формальными предписаниями, не мог по своему усмотрению отдать предпочтение одному доказательству перед другим. В-третьих, она была доступна для понимания неспециалистами, что в условиях, когда судьи часто не имели юридического образования, было важным преимуществом [3, с. 78].

Однако плата за эти достоинства была высокой. Главный недостаток формальной систе-

мы – ее неспособность учесть уникальные обстоятельства конкретного дела. Два свидетеля могут ошибаться, а один – говорить правду. Письменный документ может быть подделкой, а устное показание – достоверным. Формальная система не давала судье возможности отступить от предписанных правил даже в тех случаях, когда это было необходимо для достижения справедливости [7, с. 150]. Именно этот недостаток в конечном счете и привел к краху формальной системы в эпоху Просвещения.

Как справедливо отмечается в литературе, «оценка доказательств представляет собой мыслительную, логическую деятельность субъекта доказывания... Направленностью осуществления и проверки, и оценки доказательств на установление соответствия полученных сведений требованиям относимости, допустимости и достоверности определяется их корреляционная установка. Но определение количественной необходимости и качественной достаточности – задача исключительно оценки доказательств» [8, с. 75].

Судебная реформа 1864 года в России провозгласила принципиально иную модель. Отныне судья оценивал доказательства «по внутреннему убеждению», основанному на «совокупности обстоятельств, обнаруженных при рассмотрении дела»³. Закон больше не предписывал, сколько свидетелей нужно для обвинения и какой вес имеет письменный документ. Все отдавалось на усмотрение судьи, который должен был руководствоваться «законом и совестью» [2, с. 256].

Идейные истоки этой реформы лежат в философии Просвещения. Итальянский мыслитель, чей трактат «О преступлениях и наказаниях» стал манифестом гуманизации уголовного правосудия, писал: «Чем больше доверия к судьям, тем менее необходимы формальные доказательства; но чем меньше гарантий беспристрастия, тем жестче должны быть правила оценки» [9, с. 89]. Он исходил из того, что в хорошо организованном обществе судьи должны быть независимы и профессиональны, а потому им можно доверить свободу оценки.

Российский теоретик, наиболее последовательно отстаивавший принцип свободной оценки, писал: «Судья не есть машина для взвешивания доказательств, он живой человек, обладающий умом и чувством. Закон не может и не должен предписывать ему, как мыслить» [4, с. 193]. Для него свобода оценки была не просто процессуальным принципом, но проявлением уважения

² Свод законов Российской империи. Т. XV. Ч. 2. Кн. 1. Разд. III. Ст. 320–326.

³ Судебные уставы 20 ноября 1864 года. СПб., 1867. Ст. 95.

к человеческому достоинству судьи. Только свободный судья, убежденный, а не связанный формальными предписаниями, способен вынести справедливый приговор [4, с. 194].

Однако уже в конце XIX века начинают звучать критические голоса. Оказалось, что свобода без границ порождает неопределенность. Один судья признает совокупность косвенных доказательств достаточной для обвинения, другой – нет. Апелляционные инстанции оказываются бессильны: как проверить «внутреннее убеждение», если оно ничем, кроме голословной ссылки на «совокупность доказательств», не подкреплено? [6, с. 412] Один из авторов того времени с горечью констатировал, что принцип свободной оценки на практике часто оборачивается принципом «как хочу, так и решаю» [6, с. 412].

Кроме того, свобода оценки создает проблему для сторон. Они не могут заранее предсказать, как судья оценит представленные ими доказательства, и, следовательно, не могут выстроить свою процессуальную стратегию с достаточной степенью уверенности. Это особенно остро проявляется в делах со сложным фактическим составом, где количество доказательств велико, а их оценка требует специальных знаний. Свободная оценка, таким образом, оборачивается своей противоположностью – непредсказуемостью правосудия.

Советский период в развитии отечественной теории доказательств – тема особая, требующая осторожного и взвешенного подхода. С одной стороны, советская доктрина была глубоко идеологизирована, многие ее положения были подчинены задачам классовой борьбы и укрепления социалистической законности. С другой стороны, именно в советский период были созданы фундаментальные труды по теории доказательств, сохраняющие научную ценность до сих пор.

Ключевой категорией советской теории доказательств стала «материальная истина» – истина, соответствующая объективной реальности, а не просто формально установленная. Один из ведущих советских процессуалистов настаивал на том, что установление материальной истины является не только целью, но и принципом социалистического правосудия, отличающим его от буржуазного, где, по его мнению, господствует формальная (процессуальная) истина [1, с. 97]. Он определял материальную истину как «такое соответствие выводов суда о фактах действительности, которое полностью и точно отражает эти факты такими, какими они были в действительности» [1, с. 96].

Однако корреспондентная теория истины, лежащая в основе этого подхода, сталкивается с серьезными эпистемологическими возражениями, которые высказывались и в советской литературе. Судья не может обладать непосредственным знанием о прошлом событии, его вывод всегда опосредован доказательствами. Поэтому сторонники корреспондентной теории вынуждены признать, что суд устанавливает не истину в абсолютном философском смысле, а «процессуальную» или «юридическую» истину, т.е. истину, ограниченную рамками судебного разбирательства и имеющимися доказательствами.

Другой советский исследователь, серьезно занимавшийся психологией судейской деятельности, обратил внимание на внутреннюю противоречивость доктрины внутреннего убеждения. С одной стороны, утверждал он, убеждение должно быть свободным; с другой – оно должно быть обоснованным. Но каковы критерии обоснованности? Закон их не дает, наука не выработала. В результате категория «социалистическое правосознание» выполняла функцию идеологического прикрытия для тех случаев, когда логические аргументы заканчивались [10, с. 476].

Несмотря на идеологическую нагрузку, советская теория доказательств внесла важный вклад в понимание внутреннего убеждения. Было четко сформулировано, что убеждение – это не просто знание, а знание, ставшее мотивом поведения, руководством к действию. Было показано, что оценка доказательств не сводится к их суммированию; это не арифметическое, а логическое действие, в процессе которого каждое доказательство получает свое значение лишь в связи с другими. Эта идея «связности» доказательств предвосхитила современные когерентные подходы к судебному познанию.

В конце XX века в англо-американской правовой традиции, а затем и в континентальном праве начинает формироваться новая модель – стандарты доказывания. Речь идет о вероятностных порогах, которые должны быть достигнуты, чтобы факт считался доказанным. В уголовном процессе это стандарт «вне разумного сомнения», в гражданском – «перевес вероятностей», иногда используется промежуточный стандарт «ясных и убедительных доказательств» [11, с. 86].

Один из современных российских исследователей назвал это «своеобразным возрождением (теперь уже на строго научной основе) теории формальных доказательств» [12, с. 51]. И действительно, если присмотреться, стандарты выполняют ту же функцию, что и средневековые

правила о двух свидетелях: они задают порог, который должен быть достигнут. Разница лишь в том, что современные стандарты формулируются в терминах вероятности, а не в терминах количества свидетелей.

Другая исследовательница, автор первой в России монографии о доказательственном праве зарубежных стран, дала развернутую характеристику стандартам доказывания. Она подчеркивала, что стандарт – это не просто степень вероятности, а механизм распределения риска судебной ошибки между сторонами. В уголовном процессе, где цена ошибки особенно высока, стандарт «вне разумного сомнения» сознательно смещает риск в сторону оправдания виновного, чтобы минимизировать риск осуждения невиновного. В гражданском процессе, где ставки ниже, достаточен «перевес вероятностей» [13]. Однако и эта модель сталкивается с серьезными проблемами. Как перевести словесную формулу («вне разумного сомнения») в числовое значение вероятности? Что такое «разумное сомнение»? Это сомнение, имеющее под собой объективное основание в доказательствах, а не просто субъективное колебание судьи. Но как отличить одно от другого? Закон ответа не дает [11, с. 86].

Исследования последних лет, проведенные на материале российских арбитражных судов, показывают, что практика уже де-факто использует стандарты доказывания, но делает это непоследовательно и зачастую немотивированно. Судьи говорят о «балансе вероятностей» или о «разумной степени достоверности», но никто не знает, что именно эти формулы означают. Возникает парадоксальная ситуация: формальность есть (судья обязан достичь определенного порога), но содержания у нее нет (порог не определен). Это создает риск произвольного применения стандартов.

Почему же проблема оценки доказательств не поддается окончательному разрешению? Ответ лежит за пределами собственно правоведения – в области психологии принятия решений. Человеческий мозг, как убедительно показывают исследования последних десятилетий, устроен таким образом, что его владелец систематически ошибается в оценке вероятностей, переоценивает значимость одних фактов и недооценивает другие, подпадает под влияние первого впечатления.

Первый феномен – эффект подтверждения. Он проявляется в том, что, сформировав предварительную гипотезу (например, о виновности подсудимого), судья бессознательно отдает предпочтение доказательствам, ее подтверждающим, а противоречащие истолковывает в ее поль-

зу или попросту игнорирует. Это наблюдение было сделано еще дореволюционным автором, который писал: «Судья, как и всякий человек, склонен верить тому, что он хочет верить, и находить доказательства в пользу своего предубеждения» [4, с. 298]. Сегодня это наблюдение получило экспериментальное подтверждение.

Второй феномен – эффект якоря. Первая информация, с которой знакомится судья (например, обвинительное заключение или исковое заявление), задает точку отсчета – «якорь», от которого затем трудно отойти, даже если дальнейшие доказательства эту точку отсчета опровергают. Исследования показывают, что судьи, ознакомившиеся с обвинительным заключением до изучения доказательств защиты, чаще выносят обвинительные приговоры, чем те, кто начал с доказательств защиты [14, с. 81].

Третий феномен – иллюзия понимания. Многие судьи убеждены, что они менее подвержены предубеждениям, чем их коллеги, и что их оценка доказательств является объективной. Эта мета-уверенность тем опаснее, чем выше профессиональный статус судьи. Один из советских исследователей предупреждал: «Убеждение, не подкрепленное самокритикой, легко превращается в самоуверенность, а самоуверенность – в судебную ошибку» [10, с. 474].

Что из этого следует для теории оценки доказательств? Только то, что надеяться на «внутреннее убеждение» как на гарантию истины наивно. Убеждение – это не панацея, а проблема, требующая управления. Судья не может выйти за пределы собственной психики, но он может быть поставлен в такие процессуальные условия, при которых его когнитивные искажения будут выявляться и нейтрализоваться. Именно эту функцию и призваны выполнять требования к мотивировке.

Выход из описанного противоречия автор настоящего исследования видит в разработке модели, которую можно назвать «рефлексивным контролем» [15, с. 45]. Термин заимствован из теории управления, где он означает создание условий для самооценки и самокоррекции принимающего решения субъекта. Применительно к оценке доказательств рефлексивный контроль предполагает перенос акцента с содержания убеждения на процедуру его обоснования.

Что это означает на практике? Судья сохраняет свободу оценки каждого отдельного доказательства, но утрачивает право оставлять логику своих умозаключений скрытой. Он обязан не просто объявить, что доказательства оценены по внутреннему убеждению, но и развернуть это убеждение

в виде логически связного рассуждения, доступно для проверки вышестоящей инстанцией.

Конкретные требования включают несколько элементов. Во-первых, судья обязан объяснить, почему каждое доказательство признано достоверным. Какие именно обстоятельства (отсутствие заинтересованности свидетеля, непротиворечивость показаний, подтверждение документами) послужили основанием для такого вывода? Во-вторых, судья должен показать, как отдельные доказательства соотносятся между собой: какие из них усиливают друг друга, какие противоречат, и если противоречат, то почему он отдает предпочтение одним перед другими. В-третьих, судья обязан эксплицировать логический вывод от совокупности доказательств к промежуточным и окончательным фактам.

Один из классиков отечественной процессуалистики сформулировал этот идеал с предельной ясностью: «Внутреннее убеждение судьи должно быть не только сформировано, но и выражено в приговоре так, чтобы каждый мог увидеть, на каких основаниях оно построено» [1, с. 312]. Однако, как показывает анализ судебной практики, этот идеал редко достигается. Чаще всего мотивировка ограничивается стандартными формулами: «суд считает доказательства достаточными», «показания свидетеля согласуются с другими материалами дела», «оснований не доверять экспертизе не имеется».

Рефлексивный контроль призван превратить редкое исключение в повседневную норму. Почему это работает? Во-первых, необходимость письменно излагать логику своих умозаключений заставляет судью критически пересмотреть их, в итоге многие ошибки, которые оставались бы незамеченными при «молчаливом» убеждении, выходят на поверхность. Во-вторых, развернутая мотивировка создает основу для полноценного апелляционного контроля: вышестоящий суд может проверить не только законность (соблюдение процедуры), но и обоснованность (логическую состоятельность) оценки доказательств. В-третьих, стороны получают возможность понять, почему суд принял то или иное решение, и, следовательно, могут выстроить свою апелляционную жалобу не абстрактно, а по конкретным пунктам мотивировки.

Предлагаемая модель не требует революционной ломки процессуального законодательства. Достаточно точечных изменений, усиливающих уже существующие требования к мотивировке. Предлагается дополнить процессуальные кодексы положением о том, что судья обязан изложить

логические основания, по которым одни доказательства признаны достоверными, а другие отвергнуты, а также показать, каким образом из совокупности доказательств следуют выводы суда о фактах, подлежащих доказыванию. Не менее важно разъяснение высшей судебной инстанции о том, что ссылка на совокупность доказательств без раскрытия логической связи между ними и выводами суда не может считаться надлежащей мотивировкой.

Заключение

Эпиграфом к выводам служит авторитетное мнение И.Я. Фойницкого, утверждающее неизбежность теоретически обоснованной системы оценки доказательств как единственной альтернативы судейскому произволу. Это задает тон всем последующим выводам: поиск баланса между формой и свободой — не академический спор, а практическая необходимость защиты прав личности. И.Я. Фойницкий писал: «интерес каждого из нас требует выработки более или менее устойчивых положений, которыми можно было бы руководствоваться при наблюдении, суждении и оценке происходящего. Тем более такие положения необходимы для деятельности судебной, оперирующей с благами личности столь важными, как ее имущество, свобода и даже сама жизнь, и совокупность их образует систему или теорию доказательств, неизбежно существующую в каждом положительном процессуальном порядке. Отрешение от нее означало бы освящение культа произвола» [16, с. 162].

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько выводов, имеющих значение для теории государства и права.

Первый вывод касается эволюционного характера развития института оценки доказательств. Смена формальной системы свободной оценкой, а затем появление стандартов доказывания — это не линейный прогресс, а циклическое движение. Каждая последующая модель не отменяет предыдущую полностью, а вбирает ее элементы в трансформированном виде. Формализм возвращается, но каждый раз в новом облике — как требование допустимости, как вероятностный порог, как процедура мотивировки.

Второй вывод касается несостоятельности классической дихотомии «формальная система — свободная оценка». Ни одна из этих моделей в чистом виде никогда не существовала. Даже в самый разгар формальной системы судья сохранял элементы свободы (оценка добросовестности свидетеля, интерпретация неясных

мест документа). Даже при самой радикальной свободной оценке сохранялись формальные правила (относимость, допустимость). Спор формалистов и антиформалистов, таким образом, в значительной степени надуман.

Третий вывод касается необходимости учета когнитивных ограничений судейского познания. Судья не является идеальным «вычислителем вероятностей». Он подвержен систематическим искажениям (эффект подтверждения, эффект якоря, иллюзия понимания), которые могут искажать оценку доказательств даже при полной добросовестности. Признание этого факта – не повод для пессимизма, а основа для выработки процессуальных механизмов нейтрализации когнитивных искажений. Особенно уязвима для таких искажений оценка достоверности доказательств, например, переоценка правдивости показаний уверенного в себе свидетеля или недооценка вероятности подлога в доброкачественно оформленном документе.

Четвертый вывод предлагает конструктивное решение. Наиболее перспективной представляется модель «рефлексивного контроля», в которой акцент переносится с содержания убеждения на процедуру его обоснования [15, с. 45]. Судья не должен доказывать, что его убеждение «правильное» (это невозможно), но он обязан показать, как именно он к нему пришел. Требование развернутой мотивировки, включающей экспликацию всех логических звеньев между доказательствами и выводами, становится главным инструментом ограничения судейского произвола.

Пятый вывод касается критерия достаточности доказательств. Если относимость, допустимость и достоверность оцениваются по каждому

доказательству в отдельности, то достаточность носит интегральный характер – она относится ко всей их совокупности. Именно здесь разрыв между формальной и свободной системой проявляется наиболее остро: формальная система пыталась законодательно предопределить достаточность (например, правило двух свидетелей), свободная оценка полностью отдала этот вопрос усмотрению судьи, а стандарты доказывания заняли срединную позицию, задавая вероятностный порог. Предлагаемая модель «рефлексивного контроля» требует, чтобы судья развернуто мотивировал не только логику оценки каждого доказательства, но и вывод о достаточности (или недостаточности) всей доказательственной совокупности для принятия решения.

Шестой вывод обращен к перспективам дальнейших исследований. Предложенная модель рефлексивного контроля нуждается в операционализации – разработке конкретных критериев, позволяющих оценить качество судейской мотивировки [17, с. 44]. Особого внимания заслуживает вопрос о том, могут ли элементы искусственного интеллекта помочь в проверке логической состоятельности судейских умозаключений. Не создает ли это новых рисков для независимости правосудия? Ответ на этот вопрос требует отдельного глубокого исследования.

Следующий вывод касается баланса между формализацией и свободой. Предлагаемая модель рефлексивного контроля не означает возврата к тотальной формализации. Свобода судейского усмотрения сохраняется, но она дополняется требованием развернутого логического обоснования, что позволяет избежать как произвола, так и излишней формализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / М.С. Строгович. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – 384 с.
2. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкого. – Санкт-Петербург, 1899. – Т. 2. – 608 с.
3. Треушников М.К. Судебные доказательства / М.К. Треушников. – 5-е изд., доп. – Москва : Городец, 2021. – 302 с.
4. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах : Части: общ. и особен. / Л.Е. Владимиров. – 3-е изд., изм. и законч. – Санкт-Петербург : кн. маг. «Законоведение», 1910. – XXXVIII, [2], 400 с.
5. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств : в связи с судоустройством и судопроизводством / В.Д. Спасович. – Москва : ЛексЭст, 2001. – XVIII, 93 с.
6. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство – судопроизводство / В.К. Случевский. – 4-е изд., доп. и испр. – Санкт-Петербург : тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – XIV, 670 с.
7. Смирнов А.В. Истина, презумпции и распределение бремени доказывания в уголовном судопроизводстве / А.В. Смирнов. – EDN VWOSYC // Доказывание в уголовном процессе: проблемы нормативного регулирования и правоприменения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Нижний Новгород, 28 июня 2022 г. – Нижний Новгород, 2023. – С. 150–163.
8. Мищенко Е.В. Проверка и оценка доказательств в уголовном процессе: содержание и соотношение / Е.В. Мищенко, А.П. Гребенникова. – DOI 10.17150/2500-4255.2025.19(1).75-83. – EDN KBPMBU // Всероссийский криминологический журнал. – 2025. – Т. 19, № 1. – С. 75–83.
9. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – Москва : Инфра-М, 2011. – 182 с.

10. Теория доказательств в советском уголовном процессе / ред. Н.В. Жогин. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : Юрид. лит., 1973. — 734 с.
11. Смирнов А.В. Стандарты доказанности: взаимосвязь с презумпциями и распределением бремени доказывания / А.В. Смирнов. — DOI 10.53114/20764413_2021_12_86. — EDN IMQONV // Уголовный процесс. — 2021. — № 12 (204). — С. 86–94.
12. Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию / И.Л. Петрухин. — Москва : Проспект, 2009. — 191 с. — EDN QQWIPR.
13. Решетникова И.В. Доказательственное право в российском гражданском судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / И.В. Решетникова. — Екатеринбург, 1997. — 405 с.
14. Guthrie C. Inside the Judicial Mind / C. Guthrie, J.J. Rachlinski, A.J. Wistrich // Cornell Law Review. — 2001. — Vol. 86. — P. 777–830.
15. Лефевр В.А. Рефлексия / В. Лефевр. — Москва : Когито-Центр, 2003. — 495 с.
16. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. — Санкт-Петербург : Альфа, 1996. — Т. 2. — 606 с.
17. Деханов С.А. Институт оценки доказательств в уголовном процессе: доктринальный и правоприменительный опыт / С.А. Деханов. — DOI 10.52068/2304-9839_2022_58_3_39. — EDN MXNVEX // Евразийская адвокатура. — 2022. — № 3 (58). — С. 39–43.

REFERENCES

1. Strogovich M.S. *The Material Truth and Court Proof in the Soviet Criminal Process*. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1955. 383 p.
2. Foinitskii I.Ya. *The Course of Criminal Proceedings*. Saint Petersburg, 1899. Vol. 2. 608 p.
3. Treushnikov M.K. *Court Proof*. 5th ed. Moscow, Gorodets Publ., 2021. 302 p.
4. Vladimirov L.E. *The Theory of Criminal Evidence*. 3rd ed. Saint Petersburg, 1910. XXXVIII, [2], 400 p.
5. Spasovich V.D. On the Theory of Court-Criminal Proof in Connection with the Organization of Courts and Court Proceedings. Moscow, LeksEst Publ., 2001. 93 p.
6. Sluchevskii V.K. *Textbook of the Russian Criminal proCedure: Shipbuilding — Legal Proceedings*. 4th ed. Saint Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1913. XIV, 670 p.
7. Smirnov A.V. Truth, presumptions, and the distribution of the burden of proof in criminal proceedings. In *Evidence in criminal proceedings: problems of regulatory regulation and law enforcement. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, June 28, 2022*. Nizhny Novgorod, 2023, pp. 150–163. (In Russian). EDN: VWOSYC.
8. Mishchenko E.V., Grebennikova A.P. Verification and Evaluation of Evidence in Criminal Proceedings: Content and Ratio. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2025, vol. 19, no. 1, pp. 75–83. (In Russian). EDN: KBPMBU. DOI: 10.17150/2500-4255.2025.19(1).75-83.
9. Beccaria C. *Dei delitti e delle pene*. Parigi, 1780. 230 p. (Russ. ed.: Beccaria C. *On Crimes and Punishments*. Moscow, Infra-M Publ., 2011. 182 p.).
10. Zhogin N.V. (ed.). *The theory of evidence in the Soviet criminal process*. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1973. 734 p.
11. Smirnov A.V. Standards of Proof: Relationship with Presumptions and Burden of Proof Distribution. *Ugolovnyi protsess = Criminal Procedure*, 2021, no. 12, pp. 86–94. (In Russian). EDN: IMQONV. DOI: 10.53114/20764413_2021_12_86.
12. Petrukhin I.L. *Acquittal and the Right to Rehabilitation*. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 192 p. EDN: QQWIPR.
13. Reshetnikova I.V. *Evidentiary law in Russian civil proceedings. Doct. Diss.* Ekaterinburg, 1997. 405 p.
14. Guthrie C., Rachlinski J.J., Wistrich A.J. Inside the Judicial Mind. *Cornell Law Review*, 2001, vol. 86, pp. 777–830.
15. Lefevr V.A. *Reflection*. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2003. 495 p.
16. Foinitskii I.Ya. *A Course of Criminal Proceedings*. Saint Petersburg, Alfa Publ., 1996. Vol. 2. 606 p.
17. Dekhanov S.A. Evaluation of Evidence in a Criminal Case: Doctrinal Experience. *Evrasiiskaya advokatura = Eurasian Advocacy*, 2022, no. 3, pp. 39–43. (In Russian). EDN: MXNVEX. DOI: 10.52068/2304-9839_2022_58_3_39.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Евгеньевна Степанова — кандидат юридических наук, заведующий отделом научной информации, издательской деятельности и библиографического обеспечения. Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. 664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1. SPIN-код: 1634-9308.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena E. Stepanova — Ph.D. (Legal Sciences), The Head of the Department of Scientific Information, Publishing Activities, and Bibliographic Support. Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 1 Shevtsova Str., Irkutsk, 664035, Russia. SPIN-code: 1634-9308.

Поступила в редакцию / Received 17.03.2026

Доработана после рецензирования / Revised 16.04.2026

Принята к публикации / Accepted 20.05.2026